

БИБЛИОТЕКА

ОГОНЁК

Николай Лейкин

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ТЕРРА»
КНИЖНЫЙ КЛУБ

НОВЫЙ ГОД

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК»

Издается с 1925 года

НИКОЛАЙ ЛЕЙКИН

НОВЫЙ ГОД

Издательский дом «Огонек» — «Терра—Книжный клуб»
Москва — 2008

ОБ АВТОРЕ

Замечательный русский писатель Николай Александрович Лейкин (1841—1906) был одним из крупнейших юмористов второй половины XIX века. В свое время его имя с почтением произносилось и воспринималось наряду с именами Помяловского, Слепцова, Курочкина, Минаева, Михневича и многих других самобытных писателей. Выходец из купеческого сословия, Николай Лейкин сам купцом не стал. В девятнадцать лет он начал писать, сотрудничал в демократических изданиях и в 1860-х годах сложился как очеркист просветительской ориентации. Лейкин родился и почти безвыездно прожил в Петербурге, наблюдая жизнь столичного купечества, низшего чиновничества, лакеев и кухарок, разных мошенников и мелких махинаторов. Как замороженный он почти сорок лет вглядывался в окружающий его людской муравейник и при этом много и упорно работал: редактировал, писал бесчисленные сценки и очерки, короткие повести и рассказы, написав за свою жизнь несколько тысяч произведений...

Уважаемые читатели!
Ваши отзывы и предложения отправляйте по адресу
bibl@kkterra.ru

- © Издательский дом «Огонек»,
внешнее оформление, 2008
- © Терра—Книжный клуб, 2008

НОВЫЙ ГОД

(Сцены)

Новый год. Утро. Еще и десяти часов не било, а уж в зале у купца Обрубаева в углу был поставлен стол, покрытый белой скатертью, и на столе стояла закуска: пирог с семгой и вязигой, селедки, икра, сыр, сардинки и целая шеренга бутылок с самыми пестрыми ярлыками и графины с серебряными ожерельями, в которые были вставлены бумажки с надписями вроде следующих: «на косточках», желудочная, «для живота». На двух же графинах с простой водкой надписи гласили: на одном — «купеческая», на другом — «монашеская». Сам хозяин Иван Лукич, полный мужчина в новом сюртуке и с напомаженною полуседою бородою, изпод которой виднелись две золотые медали, скрипя ярко вычищенными сапогами, важно ходил во комнате, вполголоса напевал «прежде века от отца» и ожидал гостей, долженствующих явиться с визитами.

По залу пробежала горничная с целым ворохом туго накрахмаленных юбок и скрылась в гостиной, где одевались жена и дочь Ивана Лукича. Оттуда послышался пискливый женский голос:

— Ах, Марья! Боже мой! Срам какой! Да что же ты двери-то?..
Двери притворились.

В прихожей на ясном ларе, как раз под дверным колокольчиком, сидел мальчик Ивана Лукича, который украдкой вынимал по кусочкам из брючного кармана какой-то пряник и ел его, стараясь не чавкать губами. Когда хозяин подходил к дверям или заглядывал в прихожую, мальчик вскакивал с места и переставал жевать.

В прихожей раздались шаги, откашливанье в кулак, и в залу вошли молодцы Ивана Лукича.

— С Новым годом! С новым счастьем! Дай Бог!.. Сто лет... — заговорили они и закланялись.

— Спасибо, спасибо! — отвечал хозяин. — У ранней обедни были?

— Проспали, грешным делом, — отвечал кто-то из бойких.

— Трафили, да не вышло-с, — откликнулся один из них.

— Нехорошо. А ежели Бог нас забудет так, как вы забыли Его? Знаете притчу о девах со светильниками?..

— Знаем-с, только Бог милостив.

— Ну, вот выпейте водки да закусите.

Молодцы подошли к столу, стали наливать рюмки.

— Закусывайте чем-нибудь одним, чтобы закуску-то не портить, а то только растреплете, — сказал хозяин.

Молодцы выпили и начали тыкать вилками в селедку.

— Ну, теперь с Богом! В лавку пора. Давеча у меня Власов был, я ему сказал, чтоб в два часа запираться.

Власов был старший приказчик.

Молодцы начали переминаться с ноги на ногу и не уходили.

— Дозвольте после запору со двора?.. — проговорил один из них.

— Ладно, я сказал Власову. Поди, денег нужно?

— Малую толику требуется-с.

— Он по три рубля выдаст. Да смотрите у меня, не напиваться!

— Зачем напиваться... Господи!

— Ну с Богом.

Молодцы поклонились и вышли, доедая по дороге куски булки.

Иван Лукич заглянул в прихожую.

— Сенька! Перетри рюмки да поставь их на место, — сказал он мальчику.

Тот бросился было исполнять хозяйское приказание, но в это время раздался звонок. Иван Лукич посмотрелся в зеркало и поправил медали. В гостиной что-то зажужжало, и дверь захлопнулась еще плотнее.

— Из Туликовых бань парильщики! — доложил в дверях мальчик.

— Сейчас, — проговорил Иван Лукич и вышел в переднюю.

В передней стояли мужики и обтирали о половик сапоги.

— С Новым годом! С новым счастьем, Иван Лукич! Дай Бог вам... — заговорили мужики.

— Спасибо! — отвечал Иван Лукич и, обратись к мальчику, проговорил: — Принеси в столовую. Войдите, ребята, вон в ту комнату, — указал он мужикам.

Мужики вошли в столовую и начали креститься на образа, помещавшиеся в углу в роскошной божнице.

— Божие-то милосердие! Мать Пресвятая!.. Эко богатство... Царица Небесная! — проговорил один парильщик, кивая на серебряные образа, ткнул другого в бок и тихо прибавил: — Поди, ведь вся тысяча тут.

Иван Лукич подбоченился и самодовольно крикнул.

— Что, в среду бани не топили?

— Нет-с, Иван Лукич. Ведь у нас этого заведения нет. Перед Рождеством ежели да перед Пасхой топим, а перед Новым годом зачем? — отвечал парильщик, кашлянул, хотел плюнуть, но, не нашедши на полу приличного места, плюнул в руку и отер ее о тулуп.

— Долгонько у нас, Иван Лукич, не изволили быть, — прибавил другой парильщик.

— Как долгонько? накануне сочельника был...

— Это точно-с, только с тех пор, Иван Лукич, много воды утекло...

Мальчик внес в столовую четвертную бутыль и стакан, сзади его кухарка несла край пирога.

— Ну-ко... — сказал хозяин и взялся за бутыль.

Парильщики перекрестились. В прихожей опять раздался звонок.

— Сторожа из рынка! — проговорил вошедший в столовую мальчик.

— Зови.

В столовую вошли сторожа в бараньих шубах, крытых синим сукном, и с головами, жирно намазанными деревянным маслом. Начались поздравления.

— Ну, вот за один скрип и начинайте! Господи благослови! — проговорил хозяин, налив стакан водки.

— Сами-то, отец наш, пригубите! Сами-то... — упрашивал один из парильщиков.

Хозяин отпил полстакана. В двери заглянула голова хозяйки.

— Иван Лукич, поди-ко сюда.

Тот подошел.

— Ты с утра-то не очень... ведь еще много придется...

— Господи! Знаю. Неужто я несмышленок? — отвечал тот и отошел от двери.

Началось водкопитие. Толпа поздравителей еще усилилась. Пришли счетчики из банка.

— Подходите, подходите! не задерживайте... — говорил хозяин, то и дело наполняя опорожняемый стакан.

Четверть была уже наполовину выпита... Парильщики, сторожа и счетчики запихивали в рты куски пирога. Разговорчивый парильщик, прожевав кусок, подошел к хозяину, умильно взглянул на него и сказал:

— А посмотрю я, Иван Лукич, много вас народу чествует. Страсти Божий!.. И всех-то вы по своей доброте угощаете и денежной милостью оделяете... Как подумаешь, так праздник-то — и ах как! — в копеечку вскочит! Конечно, вы купцы богатые и можете пол-Питера накормить, а все-таки...

Хозяин самодовольно улыбнулся и заговорил:

— Это еще что, это ты и четверти не видишь. Еще дворники придут, мусорщики, сторожа из трех церквей, трубочисты... Да мало ли народу ко мне с поздравлением ходит! Видишь четвертную бутылку? Вот эдаких у меня шесть припасено, а к вечеру, может, и одной не останется...

— Ведь эта самая доброта ваша, Иван Лукич, на том свете зачтется-с, верьте совести... — вставил слово рыночный сторож, кашлянул и умильно взглянул на хозяина.

— А в Рождество? В Рождество у меня из десяти церквей попы были, — продолжал тот, — с двух подворьев монахи и два хора певчих. Один хор я так накати, что мои молодцы их на руках вынесли и, как дрова, в кареты поклали... А почему? Потому я это самое хлебосольство люблю...

— Зачтется-с. Ей-ей — зачтется...

— Это точно-с... Потому сказано: блажен раб еже... — начал было счетчик, но не докончил и запихнул в рот кусок пирога...

— К вам письмо-с... Какая-то девочка принесла, — проговорил вошедший мальчик и подал письмо...

— Знаю. Надо статься, на бедность просят, — сказал хозяин и прочел конверт: «Его боголюбю, господину купцу Ивану Лукичу Обрубаеву...»

Присутствующие слегка наклонили головы и начали слушать. Хозяин разорвал конверт и, растягивая слова, начал читать письмо. В письме стояло следующее:

«Будучи обременена четырьмя малолетними младенцами и мужем, по жестокосердию сидящим в долговой тюрьме, будучи не в силах снискивать себе пропитания трудами рук своих, по причине одержимости болезнью и будучи беременна пятым, наслышась о вашем благочестии и незыблемой жажде утешать страждущих, молю, ваше боголюбие, о помощи, дабы я с младенцами в сей первый день года могла вознести мольбы к Всевышнему о вашем, а равно и семейства вашего здравии».

Следовала подпись.

— На рубль. Дай ей, — сказал Иван Лукич, доставая из толстого бумажника бумажку, и подал мальчику.

— Зачтется, зачтется, — заговорила поздравляющая братия, умильно заглядывая в бумажник, из которого выглядывали всех цветов депозитки.

Распоив почти всю четверть и оделив каждую партию по рублю, хозяин простился, ушел в залу и запел было «Диво днесь», но раздался звонок.

В комнату вошел гость в усах, с длинным носом, в чиновничьем мундире и со шпагой...

— Алексей Иваныч! Батюшки! Совсем офицер при шпаге!.. — заговорил хозяин и облобызался с гостем. — Что это вздумалось? Служишь, что ли, где?

— В приюте... Внес-с перед праздником... Потому оно лучше... По крайности на городскую службу не выберут и опеки не навяжут.

— Да ведь разные опеки бывают. Можно хорошую достать. Вон у Манькова. Торговать не надо — вот какая опека!..

— Ваши здоровы ли?

— Пудрятся. Все еще одеться не могут! Известно — женщины! Анна Ивановна! — крикнул Иван Лукич...

— Ах господи! Да сейчас! — послышалось из гостиной.

— Не тревожьте их, потому я на минутку...

— Хереску...

— Да неловко с утра-то! Разве уж с вами! Еще у Платона Иваныча придется выпить. Там уж не отговоришься... По начальству приютскому еще надо съездить...

— Одну-то ничего.

Хозяин и гость выпили по рюмке, причем гость как ни изловчался, никак не мог выпить, чтобы не обмочить в рюмке кончика своего длинного носа.

— Как торгуете?

— Да ничего, слава богу! На порядках... — отвечал гость, запихивая себе в рот кусок сыру. — У нас сыр-то важный! Пришлите, я вам отпущу...

Заслыша звон рюмок, супруга Ивана Лукича тотчас же выплыла из гостиной. Это была толстая женщина с двойным подбородком и заплывшими жиром глазами.

— Ты опять, я слышу, тут пьешь? Поудержись с утра-то. Ведь еще к генералу ехать надо, — проговорила она мужу и поздоровалась с гостем.

Сзади ее следовала дочь, молоденькая девушка в синем шелковом платье. Началось удивление мундиру гостя. По требованию девушки гость даже вынул шпагу из ножен и объявил, что заплатил за нее десять рублей.

— Охота это вам в чиновники? — спросила она. — Чиновники такие смешные...

— Ничего, так лучше... — отвечал ни к селу ни к городу замаявшийся было гость, но супруга Ивана Лукича вывела его из замешательства.

— Пелагея Ивановна здорова ли? — спросила она.

— Все хворают.

— Я сама: то мелькание в глазах, то дрожание в ногах... У ранней обедни были?

— Проспали-с. Да Поличка не ходят к ранней обедне... Они слабы...

— Нет, я люблю, потому потом днем хорошо спишь. В театре были на праздниках?

— Как же. «Запретный плод» смотрели. Ничего, только много морали на женщин и на мужчин напущено.

Гость начал прощаться. Хозяин предложил «выпить на дорожку». Жена было начала его останавливать, но Иван Лукич все-таки выпил. Гость ушел.

В залу вошел пожилой мужчина в порыжелом длинномолочном сюртуке. За руку он вел маленького сына лет семи.

— С Новым годом! С новым счастьем! — заговорил он, подобострастно кланяясь каждому члену семейства.

— А, Гонцов, здравствуй! Как маешься? — сказал хозяин и подал гостю по-генеральски два пальца...

— Перебиваемся помаленьку, пока Бог грехи терпит, Иван Лукич, — отвечал гость и обеими руками схватил два хозяйские пальца. — Вот крестника вашего привел.

— Здравствуй, здравствуй, молодец! Поди, я тебя поцелую.

— Нет, позвольте-с, дайте ему прежде свое дело исполнить, — и отец загородил собою сына. — Скажи рацею тятеньке крестному! Он вам рацею выучил.

Иван Лукич подбоченился и начал рассматривать ребенка. Тот смутился и заплакал.

— Не плачь, не плачь, говори же. Ведь ты знаешь... — ободрил его отец.

— Да не надо. Полноте вам ребенка-то мучить... — откликнулась супруга Ивана Лукича.

— Как не надо, помилуйте. Мы ему две недели в голову вбивали.

Кое-как наконец ребенок пришел в себя и сквозь слезы начал:

С Новым годом поздравляю,
Папа крестный дорогой,
Счастья, радости желаю
И чтоб жить вам век большой,
Дай вам Боже многи лета... и т. д.

Во все время чтения отец так и юлил около сына. Гладил его по голове, подпихивал в спину и подсказывал слова, вроде: «чтоб усыпать ваш путь», «не закатились дни» и т. п. Ребенок наконец кончил, раздвинул полы отцовского сюртука и уткнулся отцу в брюхо.

— Ах какой безобразный мальчик! Ах какая дрянь! Ну так ли я тебя учил? — бормотал отец, вытаскивая его из-под своего сюртука. — Скажи: пожалуйста, тятенька крестный, ручку поцеловать.

Не дожидаясь ответа, Иван Лукич тотчас же сам сунул к губам ребенка руку и полез в бумажник.

— Ну вот тебе на пряники! — проговорил он, доставая зелененькую бумажку и подавая ее крестнику.

— Благодарю, благодарю. Целуй еще ручку!

— Не надо! не надо! — говорил Иван Лукич. — Вот выпей лучше водки да закуси, — сказал он Гонцову.

— Раненько будет, а впрочем, позвольте...

Жена и дочь Ивана Лукича тотчас же схватили ребенка и начали его целовать. Гонцов приблизился к столу с закуской.

— Что же выпить прикажете? — спросил он.

— Пей что хочешь.

— Мадера, желудочная, монашеская, купеческая, — прочитал он ярлыки. — Я уж купеческую...

— Пей. Это сподручнее. Ты хоть и прогорелый, а все-таки купец Пей двухспальную... Что маленькую рюмку-то наливаешь? Ведь любишь. Уж скрываться-то нечего. Эво нос-то какой! Сизо-красный с крапинками.

— От золотухи-с.

— Знаем мы эту-то золотуху...

Вошел еще гость. Это был мужчина лет тридцати пяти в отрепанном фраке, в грязной рубашке и в дырявых сапогах. В руках он мял фуражку с кокардой.

— С Новым годом, Иван Лукич! — проговорил он, пришепetyвая, и протянул было хозяину руку, но тотчас же спрятал руки за спину.

— Иди вон к дамам, морочь тех. Те любят. Который порог сегодня обиваешь? — крикнул он ему вслед.

— Всего еще седьмой визит. Еще рано... — нисколько не смутившись, отвечал гость и направился к дамам.

— Павел Андреич? Павел Андреич! — заговорили те и начали засыпать вопросами: был ли он вчера на вечере у Жгутиковых, в чем была одета Марья Ивановна, когда будет свадьба у Горелкиных, кто будет крестить у Федоровых, что дают в приданое за Катенькой: рояль или фортепьяно? и т. п.

Павел Андреич, как мог, удовлетворял их любопытство и сообщил вдобавок, что у Хариных затевается свадьба.

— Готовьте наряды, — добавил он.

— Кто сватал?

— Лукерья Никитишна...

— Скверная баба! — отвечала хозяйка. — Мы ее больше не принимаем. Ей тут как-то у нас в дверях нос прищемили, а она сейчас скандал... Иван Лукич ее и выгнал.

— Кто это? — спросил тихонько Гонцов, наклоняясь к уху хозяйина.

— А так, оболтус! — громко отвечал хозяин. — Дурак он или дураком прикидывается, черт его знает, а по всему купечеству ходит. Выгонять его — он нисколько не обидится. Старухи его за святого, за юродивого считают. Вот посмотри. Эй, Мордохаяев! — обратился он к Павлу Андреичу. — Правда говорят, тебя у Набилиных выпороли?

— Нет-с, как возможно, — с улыбкою отвечал тот, — что вы? Только всего и было, что за уши выдрали.

— Вот видишь. Шут гороховый и больше ничего. Однако мне пора! Кой-куда съездить надо, — сказал Иван Лукич. — Ты, Гонцов, посиди еще... Куда тебе торопиться? Анна Ивановна припасла тебе там мой сюртук да еще кой-что. Сюртук мне узок, а тебе годится. Она тебе отдаст.

Гонцов поцеловал хозяйина в плечо. Тот начал прощаться. Жена провожала его в прихожую.

— Иван Лукич, уж удержишься сегодня от вина-то. Не пей много, — сказала она. — Не езди, главное, в эту прорву-то, на Гутуевский.

— Да знаю! Господи! Неужто уж так набросимся? Эка невидаль! — отвечал муж и ушел.

У ворот его ждал рысак, запряженный в сани с медвежьею полюстью. Иван Лукич сел.

— К генералу, — сказал он кучеру.

Рысак помчался. На улице было множество народу. Все сновало взад и вперед. Извозчики с каким-то остервенением гнали лошадей и подвозили седоков от подъезда к подъезду. Мчались в колясках офицеры в парадной форме, летели на лихачах купеческие сынки в ильковых шинелях и глянцевых «циммерманах». У подъездов вылезали мундирные чиновники в треуголках. У некоторых из-под шуб выглядывали белые штаны с лампасами. Всякий считал за нужное сделать по крайней мере десяток визитов, и всякий проклинал эти визиты.

Рысак остановился у подъезда. Швейцар распахнул дверь и бросился высаживать Ивана Лукича.

— Дома?

— Для кого дома нет-с, а для вас дома. Пожалуйста! С Новым годом-с.

Иван Лукич вошел в подъезд и дал швейцару рубль.

С лестницы сбежал лакей.

— Доложи, что купец Обрубаев приехал, — крикнул швейцар лакею. Тот поздравил также с Новым годом, получил рубль и бросился наверх по лестнице.

В прихожей Ивану Лукичу опять встретились лакеи и начали его поздравлять. Он оделил их по рублю и наконец добрался до кабинета. Из кабинета вышел фронт камердинер с бакенбардами в виде котлет.

— А, Иван Лукич! Пожалуйста! С Новым годом!

Иван Лукич сунул ему три рубля...

Генерал сидел у письменного стола в белых штанах, бархатной домашней визитке и курил сигару.

— А, Обрубаев! здравствуй! — проговорил он, слегка подымаясь со стула, и протянул Ивану Лукичу два пальца.

— С Новым годом! Приехал вам засвидетельствовать почтение!

— Спасибо, садись...

— Ничего, постойм-с, — проговорил Иван Лукич, однако сел на кончик стула.

— Ну как, богатеешь?

— Да коли ежели облагодетельствуете подрядами, не пропадем.

— Ты знаешь, я беспристрастен...

— Это точно-с.

— Куришь сигары?

— Балуюсь.

Благодетель встал и направился к этажерке, где лежали сигары. Иван Лукич, воспользовавшись этим случаем, тотчас же вытащил из кармана толстый пакет и опустил его в стоящую на столе благодетельскую шляпу. «Ну слава богу, как гора с плеч свалилась», — подумал он; сделав этот маневр, он от радости забарабанил себя по коленкам.

— Вот сигары. Кури!

— Нет уж, благодарю покорно, я лучше с собой возьму и дома на досуге выкурю. А теперь мне пора...

Иван Лукич начал прощаться; благодетель опять подал ему два пальца.

— Слышишь, мне бы рысака вороного нужно, — сказал он. — Вы, купцы, рысаками-то славитесь. Узнай, не продает ли кто пошевле?

— Будьте покойны!.. Рысак будет. Прощенья просим! — и Иван Лукич задом вышел из кабинета.

— Ребятишки, Иван Лукич, пообносились, — проговорил снова встретившийся с ним камердинер. — На днях я к вам забегу в лавку. Нет ли остаточков? Отложите...

— Ладно, ладно! Забегай! Все будет!

— Фулярчик бы привезли, сморкаться не во что... Коли приедете, привезите какой-нибудь бракованный, — шепнул ему швейцар, подсаживая его в сани.

— Ладно, ладно! Привезу! — отвечал Иван Лукич и крикнул кучеру: — Пошел!

Рысак помчался...

— На Гутуевский остров! К свояку!

Опасения супруги сбылись, Иван Лукич поехал в «прорву». По уверению ее, свояк был такой человек, что от него даже «махонький мальчишка» не возвращался трезвым, не только что взрослый мужчина. А Иван Лукич был взрослый мужчина и выпить любил.

Вечером того же дня, часов в одиннадцать, только что вставший ото сна Иван Лукич сидел в зале за столом в халате и читал святцы. На столе стоял огромный графин квасу, стакан и тарелка с водой, в которой плавала синяя бумага. Такая же мокрая синяя бумага была наклеплена на переносицу Ивана Лукича. Под бумагой был синяк и царапина.

— Иван Лукич! Что ж ты будешь ужинать-то, что ли? Коли будешь, так иди, — сказала вошедшая в комнату супруга.

— Нет, не буду. Я лучше квасу, — отвечал Иван Лукич и наклонился над книгой.

— Ишь, до чего пьют! Господи! Вот тебе и Новый год! — пробормотала она, вышла в столовую и захлопнула за собою двери.

ПОЛУЧЕНИЕ МЕДАЛИ

(Святочные сцены)

Святки. Вечер. Десять часов. Семейство купца Парамонова только что отужинало и собиралось спать. В кухне кухарка гремела посудой; из молодцово́й доносилось сдержанное бряцанье на гитаре. В зале, на диване, за круглым столом, сидел сам глава семейства Захар Иванович и читал святцы. Он был в халате, по временам икал, крестился и позевывал. Рядом с ним помещалась супруга его, Прасковья Никитишна, и штопала чулок, вздетый на стакан. За тем же столом гадала на «Царе Соломоне» семнадцатилетняя дочь их Грушенька и сидел, приткнувшись боком, двенадцатилетний сынишка Павля. Он держал в руках «уродскую маску» с изображением на носу красного рака и прорезывал в ней ножницами рот. Захар Иваныч посмотрел на работу сына и сказал:

— Все глупостями занимаешься. Нешто я затем купил тебе маску, чтоб ты ее портил?

— Я не порчу, тятенька, а рот прорезываю. Завтра ряженые пойдем, так чтоб гостинцы можно было есть. Теперь и не снимаючи ее можно что угодно в рот запихать.

— Гостинцы можно в карман, а съесть дома.

— Это вы про густое говорите, а ежели варенье? — задал вопрос сын.

— Все-таки не годится... Маска бы и на будущий год послужила.

— Ну уж это дудки, чтоб после Крещенья погань в доме была! Все в печь! — огрызнулась супруга и прибавила: — Тебе жалко, коли ребенок занимается...

— Нешто это занятие?

— Все лучше, чем целый день на «Царе Соломоне» гадать да по кошкам вешаться...

Дочь отпихнула от себя книгу.

— Так и знала, что попрекнете, — сказала она. — Что ж мне делать-то?

— Дырья на себе штопать, — отвечала мать, — а то целый праздник иглы в руки не брала.

— На то и праздник... да и где ж на мне дыры. В гости не пускаете, к себе никого не зовете... Отчего к Скрыпиным гостить не пустили? На Святках все девушки друг у друга гостят!

— Ну уж это и из головы выбрось, чтоб тебя на Святках в Ямскую гостить отпустил, — вставил слово отец.

— Это еще отчего? Что там, поганое место, что ли?

— Не поганое, а испортишься, потому там теперь солдаты стоят.

— Так что ж, что солдаты? Солдаты не съедят.

— Ну уж это мы знаем, съедят или нет. Зови, коли хочешь, этих самых Скрыпиных к себе гостить! Перин, слава богу, хватит.

— Так сейчас они и пойдут теперь от веселья! Они теперь каждый день то с офицерами в приятных разговорах, то в клубе, то в театре... Третьего дня вон говорящую куклу смотрели. А у нас что?

— Погоди, вот замуж выдадим, так и у тебя будет говорящая кукла.

— А и в самом деле пора! Совсем от рук отбилась девчонка! Завтра же пошлю за свахой Лукерьей: пусть ей жениха ищет, — сказала мать.

— Хоть бы в театр сводили, хоть бы в клуб съездили! Праздники проходят, а никакого развлечения...

— Развлечения, развлечения... — передразнил ее отец. — Иди вот завтра с Павлей ряженая. Вывори мою старую шубу, а на маску я дам гривенник. Вот тебе и развлечение! Попляшешь.

— Чтобы за мальчишку приняли да уши натрепали. Благодарю покорно! Лучше уж дома страдать...

— Где ж это уши треплют? Вся беда, что не впустят...

— А то и выгонят вон. Вы вон сегодня три компании ряженных из молодецкой вон выгнали и еще сулили за хвост да палкой.

— Мало ли что сулил.

— Уж коли идти ряжеными, так надо костюмы в табачной взять...

— Карету золотую еще не прикажете ли? Ну, баста. Или молчи, или убирайся спать! — закончил отец.

Девушка заплакала и, взяв «Царя Соломона», отправилась в другую комнату. Отец начал зевать во весь рот и закрыл святцы.

— Досадно, что я сегодня в баню не сходил. Все тело как-то... — начал было он и не докончил фразы. В прихожей раздался сильнейший звонок.

Все встрепенулись. Прасковья Никитишна перекрестилась.

— Ах, тятенька, это, верно, опять ряженные... — сказал Павля.

— А и то, пожалуй... Не пускать, не пускать! Нет их! Еще стянут что-нибудь. Вон у Сидоровых вчера часы пропали, — заговорил Захар Иваныч. — Марья! Не пускай! Дома, мол, нет. Спать легли! — крикнул он суетящейся в прихожей кухарке.

— Купца Захара Иваныча Парамонова... — слышался за дверями чей-то бас.

— Дома нет! Дома нет! — кричала кухарка.

— Все равно. Примите и распишитесь. К ним бумага.

— Не впускай, кричи, что дома нет! — ободрял кухарку хозяин. — Знаем мы эти бумаги-то! Народ тоже! Бумагу придумают, только чтоб влезть!

— Дома нет! Хозяин в гостях, а сама в бане!

— Господа, впустите же. Так невозможно! Пусть кто-нибудь распишется.

— А вот как спустим с лестницы, так и будет возможно! Сам распишешься, — крикнул уже сам Захар Иваныч.

— Как бы не так! За меня в тюрьме сгниешь! Я человек казенный. Я курьер, приехал с бумагой и медаль привез! — прогремел за дверью голос.

Услыхав эти слова, Захар Иваныч так и всплеснул руками.

— Ах я дурак! Ах ты дура! Впускай скорей! Это мне медаль привезли! — кричал он. — Вот осрамились-то! Жена, огня, свету!

Все засуетилось. Все забегало. Кухарка отворила дверь. В прихожую вошел курьер в шинели с енотовым воротником.

— Извините, пожалуйста! Милости просим! Мы дома... только думали, что какие-нибудь ряженные балуются, — заговорил Захар Иваныч, схватил курьера за руку и начал трясти. — Пожалуйста в залу! Марья, снимай шубу с их благородия! Что идолом-то стоишь!

Курьер нахмурился.

— С лестницы спустить! За спускание нашего брата с лестницы-то знаете куда посылают? — сказал он.

— Ах господи! Да бросьте! Неужто мы и взаправду. Это все она дура — баба. Известно, необразованность.

— Все-таки вы ей сделайте строгое внушение.

— Мало того, в три шеи стоню! Вон, мерзавка, — крикнул Захар Иваныч на кухарку и втащил курьера в залу. — Прошу покорно садиться! Прасковья Никитишна! Огня, закусить и все эдакое!

— Позвольте прежде дело сделать. Получите, — сказал курьер и вручил Захару Иванычу бумагу и коробочку с медалью. — Ну, теперь — с наградой.

Захар Иваныч обнял курьера и поцеловал.

— Извините, что в халате. Ежели желаете, я на минутку переоденусь, — проговорил он.

— Помилуйте, что за церемония! — отвечал курьер и сел.

В доме сделалась суматоха. Прасковья Никитишна побежала в кухню готовить закуску, кухарка бросилась в погреб, лавочный мальчишка начал зажигать в зале стенники, дочь Груша вытаскивала из шкапа новое платье, сын Павля нацеживал из четвертных бутылей водку в графины. Все суетилось. Слышались слова: «Господи, где эта расписная тарелка? Куда это ключ-то девался? Марья! Где моя юбка с фалборнами?» Молодцы в молодцовой от нечего делать давали мальчишкам подзатыльники.

Через полчаса курьер сидел в зале на диване рядом с Захаром Иванычем. Перед ними стоял стол с закусками и винами. Поодаль сидела Груша в новом розовом платье. У дверей стоял Павля и ковырял в носу. Курьер был уже слегка выпивши, хлопал Захара Иваныча по плечу и говорил:

— Жалко, что мы раньше не знали, что вы такой хороший человек, а то бы мы вас вместо серебряной к золотой медали представили... Мы и то, признаться, с генералом советовались.

— А напрасно не узнали... пожаловали бы как-нибудь вечером, выпили, закусили, в горку бы сыграли, в три листика.

— Да ведь некогда-с. Днем занят по горло, а вечером — то в театр, то в клуб, то к начальнику отделения на партиюку в преферанчик, то к столоначальнику...

— Пожалуйте, не забывайте талию... Долбаните.

Хозяин налил гостю стакан хересу.

— Да неловко с одного на каменку-то подавать, — отвечал гость, однако выпил стакан, крякнул и, обратись к хозяйской дочери, спросил: — Часто, барышня, в театре бываете?

— Редко. На масляной «Ермака» смотрела, а с тех пор и не были, — отвечала она.

— Папаша виноват. Погодите, вот мы теперь с ним познакомимся, так уж распотрошим его.

Захар Иваныч рассматривал медаль и говорил:

— А что, разве примерить ее да посмотреть, как она ко мне пойдет? Только в халате-то неловко.

— Нет, уж лучше наденьте сюртук.

Сюртук был надет, медаль привешена. Захар Иваныч стоял перед зеркалом и любовался на свою фигуру. Дочь и сын стояли по бокам и держали по свечке.

— Ну теперь совсем кавалер! — воскликнул курьер.

— Какой же кавалер? Кавалеры в танцах бывают, — сказала дочь.

— В танцах особ статья, а это настоящий кавалер. Ну, Захар Иваныч, теперь бы вам только звезду. Какую-нибудь персидскую «льва или солнца».

— Как льва? — спросил хозяин. — Неужто у них по зверью называются?

— А то как же-с. Ведь они нехристи. У них святых нет. У нас Анны, Александра, Станислава, а у них змеи какой-нибудь, тигра там, крокодила. У мухоедан есть даже орден аспиды и василисы, — рассказывал курьер.

— Скажи на милость! Вот народ-то!

Из прихожей в залу начали заглядывать молодцы. Завидя их, хозяин оборотился к ним лицом.

— Войдите, войдите! Поздравляйте меня, — заговорил он.

Молодцы робко вошли в залу и начали поздравлять.

— Ну, подходите и выпейте!

Молодцы подошли и выпили.

— По второй, по второй!

Молодцы повторили.

— Третью. Бог троицу любит! — командовал хозяин.

После третьей рюмки молодцы начали шептаться.

— Дозвольте, Захар Иваныч, вам многолетие провозгласить? — сказал старший приказчик.

— Валайте!

Молодцы сгруппировались. Басы взяли за подбородки. Тено-ра перекосили глаза и раздалось «многая лета».

Хозяин обнимался с курьером и говорил:

— Друг! Ничего для тебя не пожалею! Бери даже дочь родную! Выпьем!

Пьянство сделалось всеобщее. Хлопали бутылочные пробки, графины дополнялись водкой. Через час хозяин кричал курьеру:

— Друг! Ваше благородие! Едем в «Орфеум» медаль спрыскивать! Едьте и вы! — обратился он к молодцам. — За всех плачу. Всем разрешение вина.

Молодцы бросились за шубами. Прасковья Никитишна начала упрашивать мужа, чтоб он не ехал, но тот не слушал, пихнул ее в грудь и, захватив с собой денег, отправился вместе с гостем на курьерской паре. Молодцы поехали сзади на извозчиках. Домашние стояли у подъезда и провожали. Прасковья Никитишна плакала.

— Ну, теперь поминай как звали! Пожалуй, и к утру не сыщется! — говорила она — Господи, хоть бы лицо-то не разбил! Ведь в Новый год надо начальство поздравлять.

ЧЕРНОЕ МОРЕ (Сцена с природы)

В трактире, на черной половине, сидели два мужика и пили чай. Один из них был пожилых лет, приземист, коряв из лица, в рваном полушубке, другой — молодой, румяный, в новой дубленке, новых валенках и с серьгой в ухе — ухарь-парень: не то разносчик, продающий с лотка, не то фабричный. Молодой читал по складам газету; пожилой звонко прихлебывал с блюдечка чай и глядел прямо в рот читающему. Слышались слова: Черное море... Дарданеллы... могущественный рычаг... гордый Альбион и т. п. К чтению прислушивался сидящий за другим столом старик — сборщик на церковь. На груди его висел мешок с книжкой, на котором был нашит позументовый крест. Пожилой мужчина допил с блюдечка чай, отряхнул в него кусок сахара и перебил чтеца.

— Что же это за Черное море такое? Неужто оно так черное и есть? — спросил он.

— Да надо статься, что черное, а то как же. И белую собаку арапкой не кличут, а ведь это море...

— Скажи на милость! Вот чудеса-то!

— А ты думал как же... Изойди-ка белый свет — чего-чего в нем не найдешь! Даже люди с песьими головами есть. Да вон странным людям всего лучше знать, — кивнул молодой мужик на сборщика. — Не трафилось, почтенный, тебе на Черном море-то бывать? — обратился он к нему.

Сборщик на церковь откашлялся в руку и перекрестился.

— Самому бывать не трафилось, а от людей слышал, — сказал он. — В киевских пещерах сподобил Бог побывать, а на Черном море не был.

— Что ж оно — крепко черное?

— Как уголь.

— И вода черная?

— Что твоя смола! И смрад от него идет сильный.

— Вот в эдаком море окунуться, так и свои не узнают.

— Нельзя — сейчас смерть.

— Тсс!..

Мужики покачали головами. Сборщик воодушевился, погладил бородку и продолжал:

— Моря разные есть, православные. Есть Белое море, и вода в нем белая, и медведи плавают белые. Есть Красное море и вместо воды в нем кровь... А то есть зеленое море — то, значит, река Иордан и херувимы над ним порхают...

— А синее-то забыл? Вон и в песне поется — разыгралось синее море, — вставил слово молодой парень. — Песня — бьль.

— И синее есть... Разные моря есть. Черное море потому черное, что на него проклятие положено. Допрежь того тут три города стояло и в городах этих жили нечестивые, которые забыли свою веру православную и вели блудную жизнь. Что мужчина — то блудник, что женщина — то блудница, младенцы даже, которые рождались, и те сейчас же блудниками и блудницами делались. За грехи свои города эти провалились, и стало на сем месте Черное море.

— Неужто все до единого провалились?

— Осталась только горка, на горке обитель, а в обители этой семьдесят старцев праведных, один другого старее, и самому младшему из них теперича тысяча лет. Обитель эта так посередь моря и

стоит, и стерегут ее черные арапы, от султана приставленные, и всякое истязание старцам творят.

— Скажи на милость! Вот диво-то! Хорошо, коли кто все это знает, — процедил сквозь зубы пожилой мужчина.

— Широко это море-то?

— С одного края на другой не видно — страсть!

— Шире Волги?

— Куда! Почитай, в сто раз шире.

— А далеко оттелева Ерусалим?

— Не могу знать, почтенные, а надо полагать, что близко.

В половине этого разговора в комнату вошли гвардейский солдат и молодая баба в синем шугае и в расписанном платке на голове. Они потребовали чаю. Солдат начал прислушиваться к разговору. Молодой парень по-прежнему задавал сборщику вопросы.

— Ну а чье ж это самое Черное море? — спросил он.

Сборщик замялся.

— То есть как чье? Известно, Божье... Вот старцев этих, что в обители заключены, наши ослобонить хотят, да трудно. Семь мостов строили, и каждый проваливался.

— А на кораблях приплыть нельзя?

— Извергнет, потому — не вода, а смола...

Солдата взорвало. Он вмешался в разговор.

— Старый ты человек, а врешь, — сказал он сборщику. — На кораблях нельзя, так пароходы по нем ходят.

— Что ж, служивый, вам лучше знать. Вы человек бывалый, а мы понаслышке. Люди ложь и мы тож, — отвечал сборщик.

— Так, то-то... Нечего и соваться! Морем этим, почтенные, владеют семь царей, — обратился он к мужикам. — На одном конце владеем мы, на другом — турка, на третьем — китаец, на четвертом — арап, на пятом — немец, только ему препона положена, чтоб не стрелять... на шестом там еще разные...

Солдат остановился.

— Спасибо тебе, служивый! — благодарили его мужики.

— Ну а что это за слово такое, служба? — спросил солдат молодой парень, отыскал в газете и прочел: — «Гордый Альбион с завистью взирает на успехи на Востоке». Альбион-то этот ругательное слово, что ли?

— Хитер больно. Поднеси стаканчик — так скажу, — отвечал солдат.

— А зачем не поднести? Мы и сами выпьем за компанию.

Потребовались три стаканчика. Солдат подсел к мужикам, чокнулся с ними, выпил и сказал:

— Про Наполеона слышали?

— Как не слышать!

— Ну, вот Альбион этот самый Наполеон и есть, потому он теперь с разными пашпортами живет и что ни месяц, то имя свое меняет, — отчеканил солдат.

— Иван Пантелеич, куда ж вы ушли? Я пужаюсь одна, — крикнула солдату баба.

К мужикам подошел сборщик, протянул книгу с крестом, поклонился и нараспев заговорил:

— Порадейте, православные, на построение храма Господня... Великомученицы Параскевы Пятницы!..

Мужики дали по грошу.

В БАНЯХ

Был вечер. Газовые рожки ярко освещали раздевальную комнату Туликовых бань. Народу было не много. В углу, на диване, завернувшись в простыню, лежал пожилой купец с окладистой бородой и пил кислые щи. Поодаль от него раздевался, снимая с себя сюртук с погонами, чиновник военного министерства. В другом углу поп расчесывал гребнем свои мокрые волосы.

В раздевальную вошел молодой купец. Он был в коротенькой шубе, из-под которой виднелись полы халата. Сзади его мальчик в ватном казакине нес узел с бельем. Молодой купец отдал шубу сторожу. Завидя лежащего пожилого купца, он тотчас же крикнул:

— Парамону Иванычу! — и, обратись к мальчику, сказал: — Эй, Мольтка! Неси сюда белье. Здесь будем раздеваться. Знакомые есть.

Молодой купец сел против пожилого. Спросив, хорош ли пар, тепло ли в предбаннике, он начал раздеваться и снова обратился к мальчику:

— Ну, Мольтка?! Снимай с меня сапоги.

Парамон Иваныч прислушался.

— Как ты это его зовешь? Что, кажись, такого и имени в святцах нет? — спросил он.

— Мольткой. Это не имя. Это сосед наш в лавке, Голованов, его так окрестил. Шутник он. Таперича начитался он этих самых газет, про эту политику, значит, и всем названия этих воинов раздал. Кого Трошцу зовет, кого Тьером... а его вот Мольткой прозвал, — рассказывал молодой купец. — Так из газет и хлещет! Сядем в мушку играть — туз пик у него Жуль Фавр, в горку — бардадым бардадымом не называется, а Бисмарком. Саешник, что нас в рядках кормит, — Тьер у него, а соседа нашего Бубликова Рошфором окрестил. Тот смерть этого не любит, сердится. Дело чуть до драки не дошло. К мировому уже хотели подавать, да свои отговорили. Какой я, говорит, Рошфор, у меня христианское имя есть. На что жену свою — и ту Гамбеттой прозвал. Были мы тут как-то на именинах, так она в слезы. «Что, — говорит, — я тебе за Гамбетта досталась! Пятнадцать лет вместе прожили, все была Анна Ивановна, а вдруг Гамбеттой сделалась».

— Безобразник, известно, — процедил сквозь зубы Парамон Иваныч.

— Позвольте, как же он жену Гамбеттой зовет? Ведь Гамбетта мужчина? — вмешался в разговор чиновник военного министерства.

— Да ведь ему все равно. Он так, зря...

— Как мужчина? А отчего же имя женское? — спросил Парамон Иваныч.

— Не женское, а италианское. Он, надо полагать, италианец, а италианцев все так зовут, — пояснил чиновник.

— Поди ж ты! А ведь я думал, что и у талианцев: мужчина так за мужчину идет, а женщина так за женщину. А почему вы знаете, может, эта Гамбетта только в мужское платье переодета. Что ж, говорят, и у нас на Кавказе какая-то женщина воевала, только в офицерское платье переодета была.

— Да нет, вы это бросьте! Голованову, про которого я рассказываю, все равно. Ему какое слово попало на язык, то и ладно, — снова начал молодой купец. — Он вон теперь трактир не иначе, как капитуляций зовет. «Пойдем, — говорит, — в капитуляцию чайку испить да дизентерии по рюмочке выпить». — Чиновник захохотал.

— Как дизентерии? Да ведь дизентерия болезнь. Кровавый понос.

Молодой купец ударил себя по бедрам.

— Что вы? Ну, скажите на милость! А ведь мы думали, что дизентерия значит пьянство. Так и считали. Как же во всех газетах стояло: «В войсках свирепствует дизентерия». Мы и думали, что пьянство. Ведь придумают же эдакое мудреное слово!

— Вы бы уж спросили у кого-нибудь лучше.

— У кого спросить-то? У буфетчика, что ли?

Парамон Иваныч начал охать.

— Что вы? — спросил молодой купец.

— Ногу смерть ломит. По всему телу ломота. То в ребро жиганет, то в ногу, а то плечо... Давеча уж и то перцовкой в бане натерся, думал, что лучше будет, — ничего не лучше.

— Вы бы к доктору...

— К доктору? Нет уж, благодарим покорно! На своей шкуре извели, что эти доктора-то есть.

— Верно, не к хорошему попали.

— Да ведь кто же его знает! Немец как немец. Заболело тут у меня плечо. Ну просто смерть! Всю ночь не спал. Наутро пошел в аптеку. Дай, думаю, полечусь. Пришел. За конторкой немец стоит. Нет ли, говорю, у вас какого снадобья помазаться? Плечо говорю, покою не дает. Посмотрел на меня этот немец, да и говорит: мы, говорит, так дать не можем. Вы к доктору сходите — что он пропишет, то и дадим. Вот здесь, говорит, рядом лечебница есть. Ну что ж, думаю, схожу. Отправился.

Парамон Иваныч остановился.

— Да что, и рассказывать-то не стоит... Срамота одна, — сказал он. — Никому я об этом не рассказывал, потому позор... Узнают у нас в рынке соседи, так еще дразнить начнут.

— Уж рассказывайте, коли начали. Я — могила. Ей-богу, никому не скажу, — ободрил его молодой купец.

— Да что, совестно... Ну, пришел я к этому доктору. Взяли с меня рубль при входе. Выходит сам. Вот ломота, говорю, по всему телу, спать не дает. Дайте, говорю, помазаться. «Надо, — говорит, — посмотреть». И велел мне раздеться. Разделся я. Уж он меня щупал, щупал... «Я, — говорит, — мазаться ничем не даю. Я водой лечу.

Согласны вы?» Согласен, говорю, потому, думал я, что он мне нагоренной воды пить даст, а дело-то вышло, чтоб ему пусто было, не то...

Купец опять остановился.

— Говорите, говорите... — послышалось со всех сторон.

К разговору начал прислушиваться и священник.

Купец продолжал:

— В гроб лягу, а этого леченья не забуду! Повел он меня из этой комнаты как есть нагишом в другую. Вижу — ушаты стоят, пожарные трубы какие-то, два солдата ходят. Робость меня взяла. Своих никого. Ну, драть начнут, думаю. Поставил он меня к какой-то решетке и сказал что-то солдатам. Те начали качать трубы да как жиганут в меня холодной водой. Свету я невзвидел. Начал бегать по комнате, а они из этой трубы в меня вдогонку. Я кричу: отпустите душу на покаяние, а они знай свое делают. Закричал караул. Оставили. Подбегает ко мне немец и говорит: «Позвольте, — говорит, — еще не все. Нужно, — говорит, — еще простыни со льдом». Смирный я человек, а чуть ему в бороду не вцепился. Увидал, что дверь в другую комнату отворена, как жигану туда и ну одеваться! Немец за мной. Я его ругать. Слышу, что-то полицию поминает. Владычица, думаю, унеси ты меня из этого вертепа поскорей! Кой-как накинул я на себя одежонку и драло домой! Даже чулки и жилетку у этого самого доктора забыл. Бегу по улице, а сам зуб на зуб не могу попасть. На улице мороз. Проходящие на меня смотрят, потому я как тигра какая бежал. Прибежал домой, и ударило меня вдруг в пот. Жена, дети спрашивают, что со мной, а я молчу. Потому как скажешь? Срам! Как ни допытывались, как ни спрашивали, так и не сказал. Жена в слезы и наутро молебен служить. О чулках и жилетке — ни гугу! Так и пропали! Так вот они, доктора-то!

Присутствующие начали хохотать.

— Ведь вы это в водолечебницу попали, — сказал чиновник военного министерства. — Знаете, лечение это от многих болезней помогает.

— Помогает или не помогает, а только, верите ли, положи мне сейчас пятьсот рублей и скажи «Иди к доктору» — не пойду. Потому шестой я десяток на свете живу, а эдакого срама не видал!

К рассказчику подошел парильщик.

— Там перцовки-то еще осталось. Коли не будете больше терпеться, так я выпью ее... — сказал он.

— Пей... — отвечал купец.

ЕГО СТЕПЕНСТВО

(Сцена с натурры)

Десятый час вечера. Зала увеселительного заведения «Орфеем» освещена, но пуста, как говорится, хоть шаром покати. Оркестр музыки что есть силы отхватывает «Пробуждение льва». Дирижер старательно помахивает смычком. Из дверей зимнего сада в залу выглядывают лакеи с салфетками под мышками и зевают самым аппетитным образом. По зале прохаживается единственный посетитель — лысый купец с седой бородой и в высоких сапогах со скрипом. Он, видимо, скучает, по временам садится на скамейки, щупает на них материю, с глубоким вздохом вынимает из кармана гребенку и расчесывает волосы на висках, но наконец, сердито плюнув, уходит в буфетную комнату и, подойдя к буфету, начинает рассматривать расставленные на нем яства и пития. Дремавший до сего времени буфетчик вскакивает с места.

— А что, любезняк, когда начнется у вас представление-то? Пропечатано было, что в восемь часов... — обращается купец к буфетчику.

— Уж началось...

— Ой! А нешто цыгане петь не будут?

— Не будут-с.

— И ломаться не будут?

— Не будут-с.

— Как же даве в трактире молодцы сказывали, что у вас разные колена выкидывают?

— Шведские певицы уже петь будут.

— Что ж, и народу больше не подсыплет? Аль еще поднавалит? Ведь этак прогорите...

— У нас публика собирается часов в двенадцать, после театра, из гостей...

— Скажи на милость! А у нас, мы ржевские будем, приезжие, об эту пору третий сон отхватывают.

— Это как где... Где какое заведение, а у нас столица.

— У вас водки-то всякие есть?

— Всякие: рябиновая, допелькорн, киршвасер, померанцевая...

— Вы сами-то не тверские будете? По облику-то как бы наши...

— Нет, мы здешние...

— Так... И листовка у вас есть?

— Есть...

— Ну так дай-ка мне рюмку простой, за пяточок, да побольше...

Буфетчик отвечает, что пяточковой рюмки нет, а все по десять копеек. Купец начинает торговаться. Высчитывает, сколько рюмок выйдет из ведра и почему каждая придется себе, требует даже счета, но наконец, убежденный буфетчиком, что «каждый соблюдает свой барыш», выпивает рюмку и требует на закуску сухарика.

— У нас сухарей не полагается вот букиврот пожалуйста...

— Окрестись лучиной! Стану я в Великий пост скоромь есть! Да мне на нее и глядеть противно.

— Вот с икрой-с.

— С икрой! Мы и рыбы не вкушаем. А булки-то у вас чем подмазаны? Нет, уж лучше так, без закуси. Икру-то почему покупаете? Сплавная аль багреная? — задает он вопрос, советует держать «для гостей сухарики и капустку», уходит в зало, но через несколько времени снова возвращается.

— А что, чайком побаловаться можно? — спрашивает он буфетчика.

— Сколько угодно-с.

— Поди, ведь на пятнадцать копеек собираете?

— У нас порциями. Полпорции стоит сорок копеек.

— Что-о? Однако тоже грабить умеете... Ведь у вас, поди, с сахаром, а мы по постам с медом или изюмом... потому скоромь.

— У нас меду не требуют.

— Ну так дайте-ка лучше рюмку простой... плесни вон в ту... Вы, братцы, пожалейте... мы деньги-то горбом достаем...

Буфетчик наливает рюмку.

— Не жалей, не жалей! Что обмериваешь-то? Тоже, верно, углицкий клей!

— У нас по положению...

— Что ты мне зубы-то заговариваешь? Знаем тоже... не несмышленки. У меня сын в твои годы, да и у сына четверо ребят.

Минут через пять купец требует еще рюмку и предлагает выпить с собой за компанию буфетчику.

— Заплачу. Авось сможем... — говорит он. — А ежели хозяина боишься, так присядь под выручку да там и колдыбни! Ключень, полно! Сади, знай!

Буфетчик наотрез отказывается.

— Ведь не с мазуриком пить будешь! Мы, брат, по первой гильдии, две медали имеем и к празднику третью ждем. Что брюхо-то у нас масляное, так это пустое!.. Попа и в рогоже знают... У нас везде доверие... По две, по три тысячи без расписки перехватываем...

Три рюмки, выпитые одна за другой, отуманивают купца. Он уже не отходит от буфета, требует себе четвертую рюмку и начинает рассказывать о своем патриархальном житье-бытье в Ржеве, о своей торговле, о сыне, который «без спросу не смеет ни-ни»...

— У меня в доме все по струнке... К обеду ежели, так все гуськом... в баню — гуськом. У нас по постам чтобы скоромь — божье избави! Сквороды после мясоеда и те выжигаем. У нас благочестиво. Мы, почитай, по шести раз в год иконы на доме подымаем. У меня жена молодая, я на второй женат, но чтобы драка была — никогда! Только раз и потерябил, да и то за дело... А что, поднеси-ка мне водочки-то какой получше... заморской... — заканчивает он.

— Киршвасеру не желаете ли? Пятьдесят копеек рюмка будет стоить.

— Еще разговаривать! Цеди!.. Захотим, так весь твой буфет десять раз купим!

К буфету подходит офицер, требует рюмку коньяку и присталь-но смотрит на расплачивающегося из бумажника купца. Из бумажника выглядывают сотенные, пятидесятирублевые бумажки.

— Что, барин, смотришь? — обращается купец к офицеру. — Поди, думаешь, зачем это старый пес в вертеп привалил? А я, брат, нарочно... Потому у меня сын есть. Буду в Питер его посылать, так предупрежу... Вертеп, мол, есть там один, так не ходи!

Офицер улыбается.

— Нечего улыбаться-то, а ты вот лучше не погнушайся да выпей со мной, стариком. Хорошеньким угощу. Мы тоже знаем, как себя соблюдать: и с генералами за одним столом сиживали.

Офицер отходит.

— Вы гостей не тревожьте. Они сами по себе, а вы сами по себе... — замечает буфетчик.

— Дайте рюмку мараскину в долг до конца вечера, — обращается к буфетчику какая-то разряженная бабочка. — Ужо гостя найду, так отдам.

Буфетчик наливает. Бабочка пьет и отходит. Купец смотрит ей вслед масляными глазами и говорит буфетчику:

— Из прелюбодеек, поди, барышня-то?

— Да ведь у нас всякие ходят, потому место гулеванное... — отвечает буфетчик.

— А что, окликать ее можно? — И, не дождавшись ответа, купец кричит: — Барышня! Умница! Как вас?.. Вернитесь!

— Татьяна Ивановна! — присоединяет свой голос буфетчик.

Бабочка подходит к купцу.

— Вы не тверские будете? Родители-то у вас есть? Который годок-от тебе пошел? — закидывает он ее вопросами.

— Можно взять пару апельсинов? — спрашивает она вместо ответа.

— Бери, писаная... бери! Авось не разоримся!

— А вы коробку конфет мне купите?..

— Вали, что спрашивать! Сядем вот только к столику да потолкуем. Мы хоть старенькие, а добрые!

Они садятся к столику близ буфета. Купец гладит ее по плечу и говорит:

— Вишь, какая сдобная, что твоя сайка московская! Тятенька у тебя есть ли?

— Можно еще взять апельсин? Это я для подруги...

— Да что тут разговаривать? Держи подол!

Купец берет с буфета вазу с фруктами, высыпает ей в колени и кричит:

— Малый! Прислужающий! Дай-ко две бутылочки холодненького!

— Зачем же две-то? Одной будет, а вы лучше мне зелененькую на память подарите.

— Толкуй тут! Разойдется! Ты позови только товарок, так я еще парочкой удовлетворю.

Через полчаса около купца сидело уже несколько девушек. На столе стояло до полдюжины порожних бутылок из-под шампанского, блюдечки с мороженым, с фруктами. Девушки хохотали, шептались и называли купца Иваном Спиридонычем и «вашим степенством». Само степенство потопывало ногой в такт под музыку и пело:

«Здравствуй, милая, хорошая моя»...

— Здесь петь невозможно, потому безобразно, — останавливал степенство служитель. — Вы, пожалуйста, в отдельную комнату или в сад, в беседку. Там у нас фонтан и всякие рыбы плавают. Коли желаете сварить, и зажарить можете...

— Ты понимаешь, я в Великий пост рыбы не вкушаю! Грибков — так прикажи отварить! — кричал купец — Эй, ты, шустренька! Востроглазая! Придвигайся ближе! — обратился он к одной из девушек. — Ближе, ближе... Садись ко мне на колени!

— Тут нельзя... народ... — проговорила девушка.

— Это тоже невозможно, ваше степенство. Пожалуйста в отдельную комнату и там что угодно... — увещевал служитель.

— Дура! Не обхватая... Садись — знай! Цела останешься!..

Девушки начали уговаривать купца идти в отдельную комнату, схватили его под руки и потащили.

— У меня, крали писанные, жена молодая. Драки у нас — ни в жизнь!.. И я ее страх люблю! — говорил купец по дороге.

— Можно мне братца с собой пригласить и нашу хозяйку? — спрашивала у него кака-то молоденькая девушка.

— С которого боку братец-то? Ну да вали, вали! Авось не обопьет! Вы, девушки, меня только полюбите... Я человек простой, одно слово — шуба!

Входя в отдельную комнату, купец кричал:

— Прислужающий! Зови сюда арфянок и певиц разных! За все плачу!

Часа в четыре купца выводили из комнаты под руки двое лакеев. Двое других лакеев шли впереди со свечами. Купец еле стоял на ногах.

— Где вы живете, ваше степенство? — спрашивали они его. — Мы вас как есть в целости предоставим...

— В Мариинской гостинице... В Мариинской... — мычал он.

— Иван Спиридоныч, поедemте к нам... — упрасивали его две девушки.

— Брысь вы, вороны! Почуяли пададь! — огрызались на них лакеи. — Нешто не видите, что человек совсем намок...

— Я, брат, так не пойду!.. Не пойду!.. Тащи на подъезд еще бутылку! Выпью и тогда поеду...

— Нельзя, ваше степенство! Все заперто, буфетчик спит!

— Мне нельзя? Мне?.. Да знаете ли вы, собачьи дети, что у меня везде доверие? — бушевал купец. — Я, брат, в своем месте колокольню выстроил! Все мне в пояс... Пять, десять тысяч сейчас без расписки... Да знаешь ты, что когда я в Москве бываю, так на книжку в баню хожу!

— Пожалуйте, ваше степенство!.. Не извольте брыкаться...

У подъезда купца посадили в сани. Один из лакеев сел с ним рядом. В церкви у Николаы ударили в колокол к заутрене. Купец хотел перекреститься, снял с головы картуз, но тотчас же уронил его.

— Сидите смирно, ваше степенство! Уж дома сотворите молитву, — сказал лакей и крикнул извозчику: — Пошел!

Николай Лейкин

Новый год

Руководители проекта *В. Лошак, С. Кондратов*

Редактор *Н. Саркитов*

Художественный редактор *Е. Поляков*

Корректор *И. Яковенко*

Компьютерная верстка *В. Круглова*

Подписано в печать 29.08.08 г.

Формат 70x108 ¹/₃₂. Бумага газетная.

Гарнитура «Журнальная». Печать офсетная.

Тираж 48 000 экз. Заказ № 0808980.

ТЕРРА—Книжный клуб.

127206, Москва, Чуксин тупик, д. 9.

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного электронного оригинал-макета в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»

150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

Народная библиотека «Огонька»

С 1 июля в каждом отделении Почты
открыта подписка на следующие издания:

Универсальный словарь: В 4 томах	1390 р.	Кассиль А. Собрание сочинений: В 5 томах	1400 р.
Большая Энциклопедия «Терра»: В 62 томах	74400 р.	Колетт С.-Г. Собрание сочинений: В 7 томах	1274 р.
Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона: В 86 полутомах	68000 р.	Кристи А. Собрание сочинений: В 13 томах	1885 р.
Популярная Энциклопедия: В 20 томах	6200 р.	Манн Т. Собрание сочинений: В 8 томах	2240 р.
Детская Энциклопедия: В 10 томах	4620 р.	Мериме П. Собрание сочинений: В 5 томах	1250 р.
Энциклопедия «Великий час океанов»: В 5 томах	2250 р.	Монтень М. Опыты: В 3 книгах	890 р.
Андерсен Х.-К. Собрание сочинений: В 4 томах	1520 р.	Моруа А. Собрание сочинений: В 10 томах	2580 р.
Библиотека античной литературы: В 10 томах	3200 р.	Песков В. Сочинения: В 9 томах	2520 р.
Блок А. Собрание сочинений: В 6 томах	1280 р.	Похлебкин В. Сочинения: В 6 томах	1450 р.
Бунин И. Собрание сочинений: В 9 томах	1830 р.	Родари Дж. Собрание сочинений: В 4 томах	1220 р.
Буссенар А. Собрание сочинений: В 10 томах	2710 р.	Софья де Сегюр. Собрание сочинений: В 5 томах	1275 р.
Волков А. Собрание сочинений: В 4 томах	860 р.	Соловьев Вс. Собрание сочинений: В 9 томах	2080 р.
Гарт Б. Собрание сочинений: В 6 томах	1560 р.	Тэффи. Собрание сочинений: В 5 томах	905 р.
Герцен А. Избранные произведения: В 5 томах	1255 р.	Уэдсли О. Собрание сочинений: В 6 томах	1308 р.
Гоголь Н. Собрание сочинений: В 7 томах	1610 р.	Флеминг Я. Собрание сочинений: В 7 томах	1540 р.
Гранин Д. Собрание сочинений: В 5 томах	1075 р.	Фолкнер У. Собрание сочинений: В 6 томах	1194 р.
Грин А. Собрание сочинений: В 6 томах	1242 р.	Хаггард Г. Р. Собрание сочинений: В 12 томах	2880 р.
Диккенс Ч. Собрание сочинений: В 20 томах	4200 р.	Чарская Л. Собрание сочинений: В 5 томах	910 р.
Долгополов И. Мастера и шедевры: В 6 томах	1500 р.	Чуковский К. Собрание сочинений: В 5 томах	1025 р.
Ефремов И. Собрание сочинений: В 8 томах	2160 р.	Ян В. Собрание сочинений: В 5 томах	1310 р.